

О войне я сказал все, что мог

Кинорежиссер Николай ДОСТАЛЬ родился в 1946 году в семье кинорежиссера Николая Владимировича Достала. Снимался как актер в фильмах “До свидания, мальчики!”, “Морские рассказы”. Окончил факультет журналистики МГУ и Высшие курсы сценаристов и режиссеров, учился в мастерской Георгия Данелия. Поставил фильмы “Человек с аккордеоном”, “Шура и Просвирыня”, “Облако-рай”, “Маленький гигант большого секса” и другие. В последующем занимался постановкой сериалов, таких как “Гражданин начальник”, “Стилет”. Вышедший в этом году на телеканале РТР сериал “Штрафбат” никого не оставил равнодушным. Его либо активно принимают, не без оснований видя в этой работе новый, свежий взгляд на трагические события недавней российской истории, либо обвиняют в лубочности и несоответствии реалиям военной поры.

— Николай Николаевич, как вы пришли к идее создания своего одиннадцатисерийного батального полотна, которое явно выбивается своим уровнем из телесериального ряда?

— Идея возникла во многом случайно, сам я не планировал снимать фильм о войне. Сценарий Эдуарду Володарскому заказала студия моего брата Владимира Достала “МакДос” года два назад. Мне предложили его почитать. Прочитав, понял, что это тот сценарий, который я хотел бы сделать. В нем война показана по-честному, с достаточно неизвестной стороны. О штрафникахистики говорить не любят, могилы их неизвестны, большого кино о них не снимали.

— А с бывшими штрафниками вы общались?

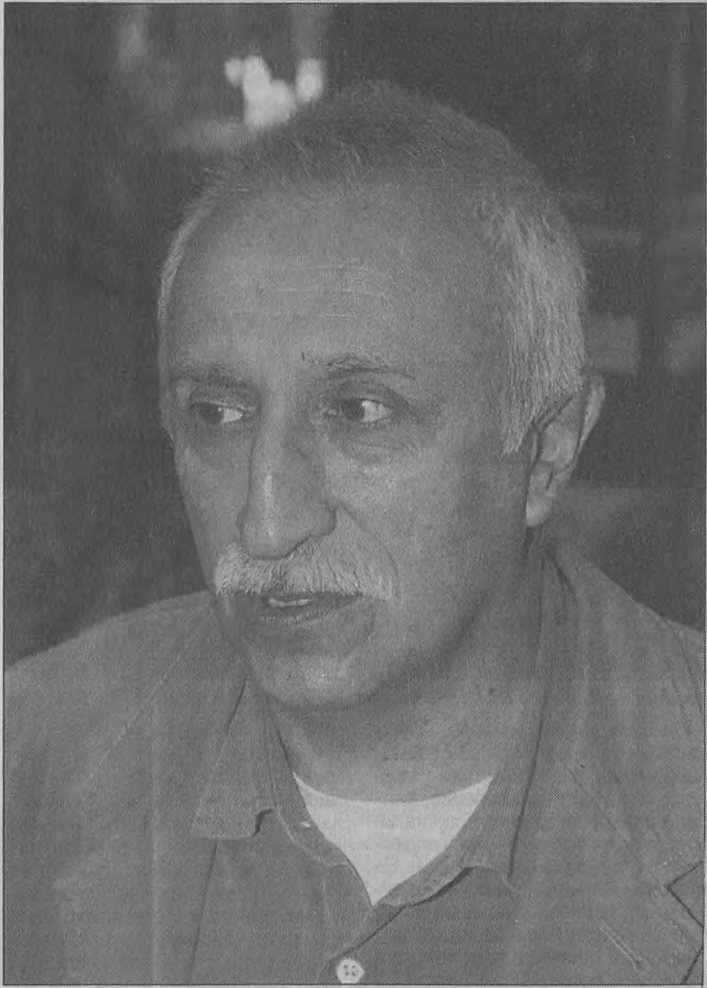
— Я — нет. Володарский общался. К сожалению, эти люди до конца нашей работы не дожили. Я смотрел много военной хроники в Красногорском киноархиве, немецкой в том числе, которая частично использована в фильме. Я ее, правда, смотрел раньше, когда снимал шестисерийный сериал “Россия — XX век. Взгляд на власть.” Тот мартиролог, список

штрафных частей, которым завершается сериал, я нашел в архивах. В этой войне участвовало более тысячи штрафных частей. Большинство этих людей были смертниками и пробыли на фронте очень недолго.

Мы умышленно не привлекали историков, поскольку каждый из них по-своему трактует эту тему, и мы боялись, что нас начнут гнуть в ту или иную сторону от сценария. А нам-то хотелось сделать художественное, а не хроникально-документальное кино.

— “Штрафбат” — даже не сериал, а добротный многосерийный художественный фильм...

— Мы так к нему и подходили, снимали на пленку. У меня был замечательный оператор Алексей Родионов, в свое время снявший с Элемом Климовым один из лучших фильмов о войне “Иди и смотри.” Мы снимали фильм шесть месяцев, почти без выходных, в любую погоду, в условиях, приближенных к боевым. Сидели в окопах. Все основные бои снимали на военном полигоне в Солнечногорске, на полигоне в Алабино. Потом — в Торжке, в Тверской области, где сохранились домики, строения тех лет. И штрафники входят в

Н. Досталь

этот освобожденный от немцев город.

Мы не говорим, что штрафники выиграли войну, просто мы говорим, что и они тоже вложили свой кирпич,

где говорилось, что, мол, первый раз вижу картину, где нецензурная брань не только уместна, но и желательна, потому что именно так говорили на фронте.

Слава богу, что в конце серий не убились титры, их можно читать. Иногда ведь титры пролетают за 10 секунд. Композитор Алексей Шелыгин специально написал медленную музыку, под нее титры и идут. За счет их ускорения телеканалы стараются напихать побольше рекламы. Ладно частные, стыдно, когда этим занимается государственный канал. Я, кстати, сам расставлял точки для рекламных блоков там, где это менее болезненно для восприятия картины.

— Скажите, Николай Николаевич, а картина малобюджетная?

— Серия обходилась примерно в 200 тысяч долларов. Для военной картины это немного. Поэтому наши бои оставляют желать лучшего. Танки еле ползают, пушки не стреляют. Требовался совсем другой бюджет, чтобы как минимум отремонтировать всю технику. И тут наше слабое место. Конечно, были спецэффекты, нам помогали компьютерщики, которые добавляли взрывы, стрельбу, пальбу и прочее. Картина скорее получилась актерская, а не экшн...

— Немалая нагрузка легла на роль комбата Твердохлебова, которого замечательно сыграл Алексей Серебряков. Он играет такого “штрафного” капитана Тушина, с истинно русским стоицизмом встречающего посылаемые судьбой испытания...

— Я его работой очень доволен. После того как Алексей прочитал сценарий, за роль он ухватился обеими руками, отказавшись от других, финансово выгодных предложений. Полагаю, что это одна из лучших его работ, а он снялся более чем в 20 лентах. Мы старались сделать Твердохлебова таким, что ли, народным

героем. Я надеюсь, что этот персонаж станет любимым у зрителя, как Андрей Соколов в “Судьбе человека” или Алеша Скворцов в “Балладе о солдате”.

— Сейчас время пересмотра многих устоявшихся взглядов на историю. Недавно вышла книга Виктора Суворова “Тень Победы” о маршале Жукове, где пересматривается его роль в новейшей истории. И ваша картина не только о штрафниках, она еще поднимает тему отношений власти и народа. Только недавно Владимир Путин обнаружил страшную цифру наших потерь за время войны — 56 миллионов. Цифра просто убийственная. Когда вы создавали свое эпическое полотно, вы ведь стремились к неким обобщениям?

— Нет, мы просто старались максимально достоверно и честно воссоздать то время. А потом вдруг из фильма пошел в народ этот слоган, который сейчас стали часто цитировать, он исходит из уст Лымова, — “Кроме власти советской, есть еще земля родная.” Если же говорить о сегодняшнем дне, я скажу так — цена жизни человека не сильно возросла. Помните песню “Мы за ценой не постоим”? Слова этой песни сопутствуют и нашему народу, и нашей власти постоянно. Как во время войны маршал Жуков бросал в огонь людей как спички, так продолжается и сейчас. Жизнь человека не стоит ничего. 300 человек погибло в Беслане, и это, конечно, взрыв для всего общества. А то, что ежедневно один, два, три человека гибнут в Чечне, это уже мало кого интересует. Вот в этом, может быть, наша картина смыкается с современностью. Один журналист напечатал статью, где высказал мысль, что Россия — это штрафбат. Я с этим не согласен. Это слишком в лоб, слишком политизированно и конъюнктурно.

— Где-то прочел, что вы как режиссер “тяготеете к жанру лирической комедии” Это определение соответствует действительности?

— Это неправда. Я ценю трагикомедию, тот жанр, который ближе всего стоит к реальной жизни. Люблю Кустурицу, если говорить о пристрастиях. В чисто комедийном ключе я снял только одну картину по любимому мной Фазилу Искандеру “Маленький гигант большого секса.” И даже в “Штрафбате” есть народный юмор, ибо он всегда присутствует в жизни, в самых тяжелых обстоятельствах.

— Картина ведь вышла уже и на DVD?

— Еще до премьерного показа кинокомпания “МакДос” выпустила картину и на кассетах, и на DVD. Чтобы чуть-чуть отобрать хлеб у пиратов. И картину без какой-либо рекламы сразу стали активно раскупать. Это феномен какой-то. А когда пошел показ, то многие после 1–2-й серии ехали на борбушку, покупали касеты и смотрели фильм без рекламных вставок.

— Тема выживания человека в пиковой ситуации очень выигрышна для драматурга, режиссера. К чему-нибудь подобному в дальнейшем обратиться не планируете? Скажем, лагерная тема на большом экране совершенно не отработана...

— О войне я сейчас снимать не стану и из-за отсутствия денег, и из-за отсутствия психофизических сил. О войне я сказал все, что мог. А по поводу лагерной темы, тут вы словно прочли мои мысли. Я давно думаю о Варламе Шаламове, которого считают величайшим писателем XX века. Он прошел 25 лет Колымы, остался жив и написал об этом мощно и сильно. Но тут встает вопрос — готово ли государство к тому, чтобы увидеть картину не только о войне государст-

ва с фашизмом, но картину о войне государства со своим народом? Готов ли к этому зритель? Вот тут может пойти речь о разных цензурных соображениях. Готовы ли продюсеры или государство финансировать такого рода сложную и дорогую работу.

А лагерная тема у нас по большому счету не затрагивалась. Фильма, подобного “Списку Шиндлера” Спилберга, не было.

Теоретически я бы этой темой занялся, а практически — нет пока сценария, нет финансов.

— Вы из кинематографической семьи. Продюсером является ваш брат, отец был кинорежиссером. Как это повлияло на вас?

— Когда отец погиб, мне было всего 14 лет. Если бы он был жив и рассказывал, что такое кино, я, возможно, и не стал бы этим заниматься.

Мой отец, он ведь не только воевал, но был и в немецком плену, в концлагере Шпандау, и лишь чудом не попал в русский концлагерь. Он был тяжело ранен, его долго потом не хотели восстанавливать в рядах КПСС. На его творческой биографии это отразилось сильно, лишь спустя много лет после войны он смог сделать самостоятельную киноработу — фильм “Дело пестрых.” А до того работал вторым режиссером. Одна из причин, почему я взялся за “Штрафбат”, — желание вспомнить отцовскую судьбу.

Одна женщина узнала в стоп-кадре немецкой хроники своего дядю Ивана Матвеевича Выхинского и написала об этом на РТР. В 1941 году он пропал без вести, и спустя столько лет, тем не менее, был навсегда увековечен в нашем фильме. Живая жизнь и художественное произведение таким образом сплелись воедино.

Беседу вел
Евгений ДАНИЛОВ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ